

ВОСПОМИНАНІЯ

ФРАНЦУЗСКАГО ДИПЛОМАТА ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ДВОРѢ.

1828—1831 гг. (*)

VII.

Позада съ императоромъ въ военныя поселенія на берегахъ Волхова. — Гренадерскій корпусъ.—Извѣстіе о бельгійской революціи.

Пѣхотныя и кавалерійскія военныя поселенія, основанныя во многихъ мѣстностяхъ Россіи, принесли сугубую пользу: они образовали отлично-обученныхъ солдатъ, расчистили и воздѣлали обширныя пустоши. Въ пѣхотныхъ военныхъ поселеніяхъ родились, выросли и выучились гренадеры.

Легко понять, почему армія, въ которой числительность гвардейскихъ войскъ простирается до 50,000. не находитъ въ рекрутскихъ наборахъ „отборныхъ“ элементовъ для другихъ спеціальныхъ частей. Новгородскіе же гренадеры, возникшіе изъ среды военныхъ поселянъ, хотя по росту и не отличаются отъ армейскихъ полковъ, однако гораздо выше ихъ по знанію службы, которую они изучаютъ съ дѣтскихъ почти лѣтъ.

Видъ этихъ разсадниковъ солдатъ-хлѣбопашцевъ имѣеть тотъ грандіозный характеръ и ту симметрическую правильность, которыми отличаются всѣ правительственныя учрежденія въ Россіи. Вообразите себѣ одинаковой архитектуры дома, вытянутые въ линію на пространствѣ восьмидесяти верствъ. Мѣстами эта однообразная линія прерывается большими площадями, кругомъ которыхъ расположены церковь, училище, экзерциръ-гаузь, дома генераловъ и офицеровъ. Въ каждомъ военномъ поселеніи есть и квартира для императора, состоящая изъ спальни, изъ самой простой гостиной и изъ столовой на

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 года, №№ 3 и 5.

десять человекъ. Я обѣдалъ ежедневно съ государемъ и съ главными военачальниками, а жилъ въ ближайшемъ селѣ Медвѣдь. Утромъ, когда начинались маневры и смотры, я присоединялся къ императорской свитѣ.

Императоръ Николай справедливо гордился военнымъ образованіемъ гренадерскихъ баталіоновъ. Въ этотъ годъ они производили самые сложные маневры съ безукоризненною правильностію. Такъ какъ я часто видалъ маневры и ученья гвардіи, то могъ быть только „доволенъ“, но не „изумленъ“ превосходнымъ состояніемъ 30,000 гренадеръ.

Государь, встрѣченный живѣйшими изъявленіями преданности, когда проѣзжалъ по фронту, говорилъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ о гренадерскомъ корпусѣ. Онъ находился, въ этотъ день, подъ впечатлѣніемъ извѣстій изъ Париза. Ему писали, что при смотрѣ на Марсовомъ полѣ было болѣе ста тысячъ національной гвардіи; онъ зналъ также, что все французское населеніе вооружалось, предполагая, что надобно будетъ отразить или предупредить непріятельское нашествіе. И мнѣ были извѣстны всѣ эти новости; онъ не удивилъ меня, но польстили моему національному чувству.

— Признайтесь, cher ami—сказалъ мнѣ Его Величество—но признайтесь по совѣсти, положи руку на сердце, что такіе солдаты (т. е. гренадеры) лучше національныхъ гвардейцевъ.

— Зачѣмъ касаться этого вопроса, государь, отвѣчалъ я.— Будемъ надѣяться, что до сравнительныхъ опытовъ не дойдетъ, и что я по прежнему не перестану искренно восхищаться и любовію къ вамъ гренадеровъ, и ихъ превосходнымъ обученіемъ.

Императоръ улыбнулся и продолжалъ:

— Я не люблю національныхъ гвардейцевъ: они говорятъ о политикѣ, рассуждаютъ и кричатъ подъ ружьемъ.

— Справедливо, что это весьма невыгодная сторона ихъ; но когда государство думаетъ о непріятельскомъ нашествіи, то естественно, что оно вооружаетъ своихъ жителей. Что же касается достоинства нашихъ импровизованныхъ солдатъ-гражданъ, то Ваше Величество, такъ хорошо знакомые съ нашею военною исторіей, припомните, что наши волонтеры 1792 года совершили много славнаго.

Такое напоминаніе могло быть непріятно; но я счелъ своимъ долгомъ намекнуть о немъ въ ту минуту, когда передо

мною было 30,000 отличнаго русскаго войска. Казалось очевиднымъ, что императоръ и всѣ чужестранные посланники и министры, при немъ акредитованные, обсуждали ежедневно такой вопросъ: „Франція тревожитъ насъ своими безпрестанными революціями; въ состояніи ли мы образумить ее нашими соединенными силами? или она можетъ защищаться энергически и даже нападетъ на насъ?“ Мнѣнія по этому предмету были раздѣлены или часто измѣнялись между самыми опытными иностранцами; но въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, парижская демонстрація, исполинскій смотръ ста тысячъ національной гвардіи, произвела въ Европѣ большое впечатлѣніе. Всѣ члены дипломатическаго корпуса, находившіеся въ Парижѣ, отправили, возвратясь съ Марсова поля, курьеровъ къ своимъ дворамъ, и курьеры привезли во всѣ столицы благотворныя сравненія взаимныхъ силъ, а такія соображенія привели естественно къ миролюбивымъ выводамъ. Депеши генерала Поццо-ди Борго, полученные наканунѣ въ Петербургъ, были, какъ и всегда, мастерски написаны въ томъ примирительномъ духѣ, которымъ съ іюля 1830 года постоянно руководствовался этотъ дальновидный дипломатъ. Ему усердно помогалъ Нессельроде.

Слова императора Николая о нашей національной гвардіи были внушены дѣятельною и хорошо-соображенною корреспонденціей русскаго посла во Франціи. Я полагаю, что, при всей своей кажущейся воинственности, они были только отголоскомъ взволнованнаго сердца и что добрые совѣты ослабили сильное неудовольствіе государя. Но явилась еще причина, поддерживавшая раздражительное состояніе его: извѣстіе о движеніяхъ въ Брюсселѣ. Во все время новгородскихъ маневровъ, событія въ Бельгіи служили обычною темою разговоровъ между генералами императорской свиты. Бесѣды были горячія; но когда я приближался къ блестящимъ группамъ, среди которыхъ находились и мои боевые товарищи, и короткіе знакомые, разговоръ прекращался мгновенно и до меня долетали сказанные шопотомъ, по-русски, слова: „идеть! идеть!“ Это значило: замолчимъ; французъ, гость нашего императора и нашъ другъ, не долженъ слышать нашихъ желаній, чтобы война вспыхнула, поскорѣе между нами и его отечествомъ“. Но французъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе: онъ зналъ всю силу, все могущество своей страны.

Около этого же времени, императоръ послалъ многихъ изъ своихъ генераль-адъютантовъ въ столицы главныхъ европейскихъ государствъ. Имъ было поручено дать самыя формальныя увѣренія его чувствъ солидарности и доброй воли относительно открытія военныхъ дѣйствій. Фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій отправился съ такимъ порученіемъ въ Берлинъ; но онъ не нашелъ въ королѣ Фридрихъ-Вильгельмѣ III особеннаго расположенія къ войнѣ: лѣта и опытъ жизни, богатой великими событіями, воспоминаніе о бывшихъ несчастіяхъ и о дорого купленномъ торжествѣ внушали тестю императора Николая большую сдержанность. Дибичъ, напротивъ того, и по своимъ убѣжденіямъ, и по своему характеру, очень желалъ войны. Въ Берлинѣ онъ говорилъ въ самомъ воинственномъ тонѣ. Ему было поручено сообщить, что, въ случаѣ коалиціи, Россія готова немедленно послать контингентъ, который, по примѣру 1813 года, могъ бы высадиться въ Голландіи. Всего же, по словамъ Дибича, Россія выставила бы до 160,000 человекъ. Король прусскій отвѣчалъ, что надобно выждать событій и начать войну съ Франціей только тогда, когда она сама вызоветъ на бой.

Бельгійская революція не измѣнила ничего въ политикѣ выжиданія и не могла дать достаточныхъ поводовъ къ немедленному разрыву съ Франціей. И вотъ, при такой-то неизвѣстности и въ моментъ настоятельнѣйшихъ убѣжденій Дибича, получено было въ Берлинѣ извѣстіе о событіяхъ въ Варшавѣ и о возмущеніи той самой польской арміи, на которую рассчитывали, какъ на одну изъ составныхъ частей коалиціи.

Въ тотъ день, когда прусскій король узналъ объ этомъ, приглашено было немногочисленное собраніе къ обѣденному столу въ Шарлотенбургѣ. Фельдмаршалъ Дибичъ сидѣлъ насупротивъ короля. Вдругъ Фридрихъ-Вильгельмъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Любезный фельдмаршалъ, вамъ извѣстны варшавскія событія: гдѣ же теперь 160,000 человекъ, обѣщанные намъ Россіей?

Слова эти были переданы мнѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, однимъ баварскимъ камергеромъ, присутствовавшимъ на обѣдѣ. Ими вполне оправдывалось то убѣжденіе, которое служило основою всѣхъ моихъ дѣйствій въ бытность мою въ Россіи. Грозная коалиція, размышляя я самъ съ собою, не имѣетъ

уже ни связи, ни силы, какими она отличалась въ 1815 году: Самые запальчивые представители ея не думаютъ болѣе о наступательныхъ дѣйствіяхъ, а если и думали о нихъ въ первыя двѣ недѣли послѣ іюльскаго переворота, то имѣли довольно времени для соображеній. Они окончательнo рѣшились выжидать событія; слѣдовательно, и я могу, по совѣсти и зная дѣло, совѣтовать моему правительству ту же систему выжиданія.

VIII.

Прибытіе въ С.-Петербургъ генерала Аталэна съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Людовика-Филиппа.

Вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ военныхъ поселеній въ С.-Петербургъ, пріѣхалъ сюда генералъ Аталэнъ, адъютантъ Людовика-Филиппа, съ собственноручнымъ письмомъ короля къ императору Николаю. Я почти не зналъ его; но ему предшествовала почетная извѣстность. Положеніе дѣлъ требовало съ моей стороны самыхъ откровенныхъ и самыхъ точныхъ объясненій. Съ перваго же дня я успѣшилъ познакомиться генерала съ обстановкою.

— Вы, конечно, очень скоро увидите съ императоромъ—сказалъ я ему—потому что государь, навѣрное, любопытствуетъ выслушать васъ. Его Величество уже говорилъ мнѣ о васъ: депеши Поццо-ди-Борго отдають справедливость вашему характеру и вашимъ военнымъ познаніямъ. Я же, генералъ, въ интересахъ дѣлъ, о которыхъ намъ предстоитъ позаботиться, поспѣшаю предложить вамъ нѣсколько указаній, которыми вы могли бы руководствоваться на неизвѣстной вамъ мѣстности.

— Вы окажете мнѣ большую услугу—отвѣчалъ генералъ Аталэнъ—мнѣ сказывали, что императоръ довольно горячъ въ преніяхъ, а я не хотѣлъ бы быть осяленнымъ.

— Не слѣдуетъ, любезный генералъ, преувеличивать передъ вами трудностей: императоръ Николай, при объясненіи своихъ доводовъ посланникамъ, бываетъ живъ только тогда, когда посланники находятся на дружеской съ нимъ ногѣ. Въ такихъ случаяхъ горячность государя не сопряжена ни съ какими неудобствами, потому что и собесѣдникъ естественно отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ. Иначе бываетъ, когда вновь прибывшій ипо-странный дипломатическій представитель является со всею серьезностію офиціального лица: тогда и императоръ принимаетъ его съ уваженіемъ, но холодно. Если дѣла затрудни-

тельны или щекотливы, государь вовсе не заговариваетъ о нихъ, или же касается ихъ мимоходомъ, предоставляя обсужденіе своимъ министрамъ. Въ такихъ случаяхъ, Его Величество даже самъ старается обратить рѣчь на другіе предметы, бесѣдуетъ охотно и любезно, особенно если предупрежденъ въ пользу новаго лица, какъ, на примѣръ, относительно васъ.

— Мнѣ было бы очень пріятно — отвѣчалъ генералъ Аталэнъ — если бы разговоръ принялъ скоро такой оборотъ; грустно было бы, пріѣхавъ издалека, выслушивать укоризны или встрѣтить холодный пріемъ.

— Ничего подобнаго не ожидаетъ васъ: могу васъ завѣрить въ отличнѣйшемъ пріемѣ со стороны всего русскаго двора. Если Его Величество заведетъ рѣчь о предметахъ артилерійскихъ или инженерныхъ, то полюбитъ васъ—за это я ручаюсь; когда же вы познакомитесь другъ съ другомъ короче, то, быть можетъ, онъ станетъ спрашивать васъ о послѣднихъ событіяхъ въ Парижѣ.

— Не подастъ ли такой разговоръ повода къ непріятнымъ столкновеніямъ?

— Не думаю; однакожъ я долженъ просить васъ, по этому предмету, о небольшой уступкѣ. Если государь будетъ отзываться съ душевною похвалою о вѣрности солдатъ королевской гвардіи, не противорѣчьте.

— Подобная мысль никогда и не приходила мнѣ въ голову! возразилъ генералъ Аталэнъ. — Не нужна ли однакожъ еще какая уступка? Я готовъ....

— Вопросъ вашъ кстати: есть дѣйствительно предметъ, противъ котораго вы не должны возражать, подъ опасеніемъ потерять завоеваніе, васъ ожидающее. Императоръ станетъ, быть можетъ, говорить, гнѣвно, даже жестко о генералѣ Лафайетѣ....

— Эта уступка — замѣтилъ генералъ Аталэнъ улыбаясь — не слишкомъ важна, хотя мнѣ и трудно было бы выслушивать невыгодные отзывы о человѣкѣ, который оказалъ королю большую услугу и которому мы обязаны мирнымъ исходомъ всего случившагося.

— Вѣрю — отвѣчалъ я — что генералъ Лафайетъ не допустилъ безпорядка до крайняго предѣла; но здѣсь имѣють о немъ невыгодное мнѣніе.

Генералъ Аталэнъ, человѣкъ разсудительный и преиспол-

ненный наилучшихъ чувствъ, охотно принялъ мои совѣты. Онъ былъ вскорѣ потомъ принятъ императоромъ, который въ тотъ же самый день отозвался мнѣ о немъ съ похвалою. И императрица очень любезно и милостиво встрѣтила генерала. Воспользовавшись своимъ первокласснымъ талантомъ въ живописи, онъ исполнилъ, для альбома государыни, два прекрасные рисунка. Словомъ, посланникъ Людовика-Филиппа удостоился почетнаго приѣма: онъ былъ приглашенъ на придворныя собранія, на разводы, и вообще ему оказывали уваженіе, котораго онъ и заслуживалъ. Конечно, отношенія между Россіей и Франціей оставались непріязненными, но эти взаимныя чувства не повели ни къ какому серьезному затрудненію.

IX.

Польская революція.—Императоръ Николай объявляетъ на разводъ офицерамъ о событіяхъ въ Варшавѣ.—Энтузіазмъ, заявленія въ преданности. — Триста гвардейскихъ офицеровъ посланы въ Вильну.

Наша революція 1830 года взволновала всѣ умы и сильно встревоживъ европейскіе кабинеты, породила мысли о независимости, ложныя надежды о помощи у народовъ, недовольныхъ своею судьбою. Это событіе, давно предвидѣнное, поляки приняли за удобный случай возвратить свое національное бытіе.

Варшавская революція вспыхнула безъ примаго подстрекательства. Въ Петербургѣ упрекали, впрочемъ, по этому поводу французскую націю, что однако я счелъ долгомъ опровергнуть. Императоръ Николай, въ самый день прибытія курьера, сказалъ мнѣ о томъ лишь пару словъ, вскользь, въ ту минуту, когда выходилъ изъ манежа, гдѣ объявилъ офицерамъ гвардіи полученное извѣстіе. Одна парижская газета, повѣривъ своему корреспонденту, вложила въ уста монарха не тѣ слова, съ которыми онъ обратился ко мнѣ. Въ газетѣ было напечатано:

— Возвратитесь къ вашимъ якобинцамъ: они зачинщики этой новой революціи.

Фраза эта чистѣйшая выдумка. Императоръ, хотя и глубоко огорченный, встревоженный, тѣмъ не менѣе не думалъ о разрывѣ съ Франціей, приписывая ей столь положительнымъ образомъ важное событіе. Да и прежде онъ никогда не говаривалъ со мною въ такой оскорбительной и для моего отечества и для меня самого формѣ. Вотъ что мнѣ сказалъ государь:

— Грустная вѣсти! Но таково вліяніе дурнаго примѣра!...

Произнеся эти слова, императоръ удалился столь быстро,

что я не успѣю отвѣчать; но, спустя нѣсколько дней, графъ Несельроде, выразившись почти въ томъ же смыслѣ, упомянулъ о французскомъ подстрекательствѣ. Я возразилъ:

— Отвергаю самымъ формальнымъ образомъ всякій упрекъ въ прямомъ подстрекательствѣ. Военное возмущеніе въ царствѣ Польскомъ разразилось само собою. Въ высшей степени было бы ошибочно предполагать, что первые двигатели бунта могли быть возбуждены семью или восемью странствующими французскими торговцами (*commiss-voyageurs*), которые съ трудомъ проникаютъ въ Варшаву. Если же вы говорите мнѣ о влияніи примѣра, это другое дѣло; но тутъ мы ужъ нисколько не виноваты. Зачѣмъ вся Европа привыкла подражать намъ и въ дурномъ, и въ хорошемъ? Зачѣмъ она копируетъ наши революціи такъ же, какъ наши моды, наши романы и наши водевили? Поляки взбунтовались потому, что считали общую войну весьма вѣроятною и весьма близкою; молва поставила ихъ въ извѣстность о парижскихъ событіяхъ и о шаткомъ настроеніи державъ, которыя наблюдаютъ другъ за другомъ и угрожаютъ другъ другу. Молва—вотъ единственный источникъ подстрекательства во всемъ томъ, что случилось въ Варшавѣ.

Мои оборонительные доводы основывались на фактахъ, тогда уже извѣстныхъ и положительно подтвержденныхъ впоследствии.

Движеніе началось въ Варшавѣ возмущеніемъ нѣсколькихъ подпоручиковъ, прапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ гарнизона. Воспитанники школы подпрапорщиковъ были первыми коноводами бунта. Затѣянный сначала необдуманно, но быстро разросшійся отъ элементовъ, давно подготовленныхъ, мятежъ принялъ грозныя размѣры.

Очень естественно, что вѣсть о варшавскомъ мятежѣ исполнила русскую армію чувствами сильнѣйшаго негодованія. Я могу разсказать, въ качествѣ очевидца, какъ императоръ самъ объявилъ эту вѣсть и каковы были изъясненія восторга и преданности, выраженные войсками гвардіи.

Императоръ Николай, по примѣру брата своего Александра, смотрѣлъ ежедневно баталіонъ, вступавшій въ караулъ, и части всѣхъ гвардейскихъ полковъ, расположенныя въ столицѣ. Зимой такіе ежедневные смотры или разводы происходили въ Михайловскомъ манежѣ, который на столько обширенъ, что баталіонъ въ тысячу человекъ можетъ быть выстроенъ здѣсь

въ три шеренги, оставляя еще много мѣста на своемъ флангѣ. Это громадное зданіе имѣетъ форму и размѣры нашихъ обширѣйшихъ станцій на желѣзныхъ дорогахъ; крыша поддерживается такою системою постройки, которую справедливо назвать образцовымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ. Въ глубинѣ длиннаго манежа, достаточно отопляемаго, были построены взводы гвардіи и ординарцы отъ всѣхъ полковъ гвардейской пѣхоты. Артиллерія, инженеры, моряки, всѣ были представляемы здѣсь своими частями и кромѣ того присылали по одному человѣку, въ видѣ ежедневнаго образца выправки. Отъ кавалеріи на такіе ежедневные разводы являлись лишь немногіе воинные ординарцы.

Гвардейскій баталіонъ стоялъ въѣво отъ входа и вдоль стѣны; насупротивъ его, обращенные спиною къ другой стѣнѣ, размѣщались всѣ тѣ генералы и офицеры гарнизона, которые не были въ строю. Фронтъ ихъ равнялся иногда четверти фронта баталіона, вступавшаго въ караулъ.

Когда все было готово, пріѣзжалъ императоръ, садился на коня и, послѣдуемый великимъ княземъ Михаиломъ, генералъ-адъютантомъ и тремя или четырьмя членами дипломатическаго корпуса, по выбору, проѣзжалъ галопомъ по линіи баталіона и затѣмъ останавливался насупротивъ лѣваго фланга его фронта. Послѣ этого государю представлялись ординарцы; наконецъ дежурный баталіонъ, взводы отъ всѣхъ частей гвардіи, построенные въ колонны, проходили по манежу и собирались массою въ глубинѣ этого обширнаго зданія. Тогда императоръ направлялся къ другому концу манежа, у входной двери, и, сопровождаемый обычною свитою, проѣзжалъ галопомъ во всю длину манежа, послѣ чего останавливался насупротивъ ряда присутствовавшихъ генераловъ и офицеровъ.

Такова была почти неизмѣнная програма этихъ ежедневныхъ разводовъ. Осмотрѣвъ войска пѣхоты, императоръ заставлялъ конныхъ ординарцевъ исполнить нѣсколько эволюцій. Конные ординарцы почти всегда номѣщались симметрически по срединѣ манежа, три офицера вперед и три солдата позади ихъ. Въ заключеніе, государь пріѣтствовалъ двойной рядъ офицеровъ, обращаясь съ нѣсколькими дружескими словами къ членамъ дипломатическаго корпуса и уѣзжалъ.

Въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ, государь пріѣхалъ, по обыкновенію, на разводъ.

Сначала все шло своимъ порядкомъ; даже слѣдовъ душевной тревоги не обнаруживалось на этомъ прекрасномъ лицѣ съ классически-правильнымъ профилемъ; оно сохраняло, какъ и всегда, свое величавое благородство. При концѣ ученія, на этотъ разъ весьма упрощеннаго, Его Величество, вмѣсто того, чтобы направиться къ дверямъ манежа, подошелъ къ генераламъ и офицерамъ, стоявшимъ насупротивъ его. Это необыкновенное движеніе тотчасъ же дало понять присутствовавшимъ, что случилось что-нибудь важное.

Императоръ Николай, возвысивъ голосъ, пригласилъ офицеровъ собраться около него въ кружокъ. Ежедневная свита осталась вондъ него. Тогда государь, голосомъ сначала спокойнымъ, но постепенно одушевлявшимся, рассказалъ о событіяхъ въ Варшавѣ. Онъ еще не кончилъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались восторженные восклицанія о готовности жертвовать собою, крики мести. Всѣ стѣснились около Его Величества, протягивали къ нему руки; каждый просилъ дозволить идти для наказанія мятежниковъ.

Въ продолженіе этого времени, очередной баталіонъ, который, промаршировавъ передъ императоромъ, построился по обмѣновенію въ густую колонну на другомъ концѣ манежа, могъ лишь издали слышать слова Его Величества и восклицанія офицеровъ; но и этотъ баталіонъ, еще не зная въ чемъ дѣло, отвѣчалъ такими же восторженными криками. Вѣроятно, солдаты думали, что государь объявилъ о войнѣ съ Франціей, о чемъ тогда ежедневно говорили.

Глубоко тронутый сими изъясненіями преданности, императоръ старался однако утишить страсти, возбужденныя вѣстію о польскомъ мятежѣ. Я самъ понялъ смыслъ нѣсколькихъ русскихъ словъ на столбно, чтобы судить о желаніи монарха: онъ хотѣлъ умѣрнить негодование и ненависть къ полякамъ въ своихъ генералахъ и офицерахъ. Примирительный характеръ и даже буквальный переводъ его словъ были подтверждены мнѣ въ тотъ же день моими короткими друзьями.

Тѣмъ не менѣе, при важности тогдашнихъ обстоятельствъ, надлежало воспользоваться такими чувствами вѣрной гвардіи и, несмотря на суровость зимы, дѣйствовать немедленно противъ возмущившейся Польши. Въ особенности нужно было послать въ литовскій корпусъ, составленный изъ людей мало надежныхъ, гвардейскихъ офицеровъ самыхъ энергическихъ, спо-

собныхъ удержать, успокоить, устрашить войска литовскаго корпуса, расположенныя близъ границъ царства Польскаго. Для Россіи было дѣломъ величайшей важности подѣйствовать какъ можно скорѣе на духъ края, взволнованнаго революціоною пропагандою. Всякому внимательному наблюдателю становилось очевиднымъ, что литовскій корпусъ, все населеніе и всѣ мѣстныя средства края будутъ принадлежать той изъ воюющихъ сторонъ, которая предупредитъ своего противника или давъ толчокъ возмущенію, или подавивъ оное хорошо обдуманною мѣрою.

Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ той эпохи. И дѣйствительно: не болѣе шестисотъ версгъ отдѣляли литовскій корпусъ отъ С.-Петербурга; онъ находился лишь въ 320 верстахъ отъ Варшавы, средоточія мятежной польской арміи. Войска этого корпуса, сформированнаго покойнымъ императоромъ Александромъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ (т. е. изъ поляковъ или изъ ополяченныхъ литвиновъ), не могли не симпатизировать революціи, и онъ, имѣя въ средѣ своей большинство офицеровъ изъ поляковъ, вѣроятно, перешелъ бы на сторону мятежниковъ, если бы взбунтовавшаяся польская армія, вмѣсто того, чтобы оставаться въ Варшавѣ, немедленно двинулась къ Вильнѣ. Но когда миновала первая минута неизвѣстности, то, при отсутствіи единства въ направленіи и опредѣленнаго плана, потерянь былъ и первый важный случай къ успѣху.

Несмотря на военныя дѣйствія, вскорѣ открывшіяся въ царствѣ Польскомъ, несмотря на громко заявленное Франціей сочувствіе къ полякамъ, ничто не измѣнилось въ официальныхъ сношеніяхъ между Россіей и Франціей. Самъ императоръ встрѣтилъ съ удовольствіемъ возвратившагося герцога Мортемара и принималъ его съ прежнею благосклонностію.

Съ герцогомъ случилось на пути неожиданное происшествіе: проѣзжая, посреди снѣжныхъ сугробовъ, чрезъ обширныя и мрачныя лѣса Курляндіи, онъ вдругъ былъ остановленъ группою всадниковъ, которые окружили его экипажи, но съ первыхъ же словъ отнеслись къ нему почтительно. Выдавъ себя за депутатовъ варшавскаго временнаго правленія, они сочли своимъ долгомъ расположить герцога Мортемара въ пользу своего дѣла и, кромѣ того, пожелали узнать, какой помощи могутъ поляки ожидать отъ французовъ. Посланникъ нашъ отвѣчалъ, что Франція, при всемъ искреннемъ сочувствіи къ

Польшѣ, не желаетъ изъ-за нея начинать войны. Онъ прибавилъ, что поляки должны сообразить, достаточны ли ихъ силы для успѣха, что, въ противномъ случаѣ, онъ постарается ходатайствовать для нихъ у императора выгодныя условія примиренія. Послѣ нѣсколькихъ возраженій, такъ называемые депутаты приняли это предложеніе.

Когда посланникъ пріѣхалъ въ Петербургъ, государь уже зналъ о встрѣчѣ его съ польскими делегатами. Въ это время императоръ считалъ еще уступки (*), сдѣланныя Александромъ въ 1816 году, лучшимъ способомъ рѣшенія труднаго вопроса, согласился бы по многимъ существеннымъ пунктамъ, даровалъ бы полную амнистію и удовлетворилъ бы національное чувство. Но поляки увлеклись своими преувеличенными надеждами, и примиреніе не могло состояться.

Личное положеніе герцога Мортемара, во время вторичнаго пребыванія его въ С.-Петербургѣ, осталось то же, но обстоятельства измѣнились значительно. Франція, вмѣсто того, чтобы быть, въ глазахъ императора, союзницею, пользовавшеюся всѣми его симпатіями, стала предметомъ недовѣрія и даже неприязни, и это новое чувство сильно развилось подъ вліяніемъ польской войны. Ходатайства и убѣжденія герцога Мортемара служили иногда поводомъ къ разномыслию, а иногда и къ столкновеніямъ. По мнѣнію государя, правительство Людовика-Филиппа позволяло себѣ увлекаться демократическимъ потокомъ, который — говорилъ онъ — приведетъ Францію къ войнѣ и къ новымъ революціямъ....

Лѣтомъ 1831 года, когда относительно намѣреній великихъ державъ господствовала величайшая неизвѣстность, признано было необходимымъ послать меня въ Парижъ. Да и обстоятельства приняли столь важный и столь щекотливый оборотъ, что только личными наблюденіями и объясненіями можно было восполнить пробѣлы дипломатической переписки. Наконецъ, мнѣ самому хотѣлось узнать на мѣстѣ положеніе моего отечества, и потому я испросилъ себѣ отпускъ.

(*) Императоръ Александръ не дѣлалъ и не могъ дѣлать, въ отношеніи завоеваннаго имъ царства Польскаго, какихъ-либо уступокъ. Онъ самъ, по влеченію своего сердца, даровалъ полякамъ такія права и такія льготы, о которыхъ поляки не смѣли и помыслить.

X.

Пребываніе въ Парижѣ.—Я принялъ королеву и многими министрами.—Совершенное невѣдѣніе Казимира Перье по вопросу о мирѣ или о войнѣ.—Воинственный манифестъ, готовый къ обнародованію, остановленъ убѣжденіями Поццо-ди-Борго.—Я присоединяюсь къ миролюбивымъ представленіямъ русскаго посла.—
Нашими усиліями устранена возможность войны.

Я пріѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Парижъ въ началѣ іюня 1831 года. Лично я не былъ извѣстенъ королю Людовику-Филиппу и членамъ его правленія, съ которыми велъ переписку полтора года по самымъ важнымъ предметамъ. Его величество долго спрашивалъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ моего пребыванія въ С.-Петербургѣ и о намѣреніяхъ Россіи, благодарилъ за мои старанія устранить разрывъ, который, вѣроятно, повлекъ бы за собою европейскую войну, и объявилъ, что скоро отправить меня обратно, такъ какъ герцогъ Мортемаръ просилъ объ отпускѣ.

Подобныя же бесѣды имѣлъ я затѣмъ и со многими министрами. Приведу разговоръ мой съ Казиміромъ Перье, вслѣдствіе новаго обстоятельства, едва ненарушившаго миръ, съ такимъ трудомъ поддерживаемый. Въ эту эпоху и въ продолженіе восемнадцати лѣтъ іюльской монархіи, сохраненіе мира зависѣло гораздо больше отъ дѣйствій парламентскихъ, отъ того или другаго министерства, чѣмъ отъ личныхъ намѣреній короля.

Припомнимъ сначала, каковы были, въ іюнѣ 1831 г., положеніе и чувства главныхъ европейскихъ государствъ и Франціи, все еще изолированной, но тѣмъ не менѣе внушавшей опасенія. Въ первые годы послѣ переворота, пылкія страсти, экзальтація народовъ, неудовольствіе государей, безпокойство ихъ министровъ были почти ежедневно возбуждаемы какою-либо новою случайностію. Въ началѣ 1831 года еще не знали объ исходѣ борьбы между поляками и колоссальными силами Россіи. Съ нашей стороны, приверженцы войны горячо настаивали на правительствѣ за то, что оно равнодушно смотрѣло на подавленіе тѣхъ, которыхъ называли своими естественными союзниками. „Если мы не поддержимъ нашихъ любезныхъ и безстрашныхъ поляковъ въ неравной борьбѣ—говорилось ежедневно въ Парижѣ — то на насъ скоро обрушатся всѣ арміи континента, вспомоствуемыя Англіей.“ Со стороны коалиціи приверженцы войны рассуждали точно такъ же, указывая на Бельгію, какъ на предметъ ихъ тревогъ и нетерпѣнія. „Мы уже позволили анархической партіи расширить кругъ дѣйствія —

говорили наиболѣе враждебныя къ намъ иностранцы: — іюльская революція сломила оплотъ, противопоставленный нами Франціи учрежденіемъ Нидерландскаго королевства. Отнынѣ бельгійцы заодно съ французами, и если это возмущеніе останется ненаказаннымъ, то зловредныя стихіи поднимутся въ Италиі и въ Германіи; успѣшимъ же, потому что если мы не пойдемъ быстро, то революціонный потокъ зальетъ насъ и вся Европа будетъ перевернута верхъ дномъ.“

Въ Парижѣ партія войны была восторженная и многочисленная. Блистательные ораторы, боевые генералы, большинство ежедневныхъ газетъ старались вовлечь Францію въ войну.

Я пріѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Парижъ съ намѣреніемъ дать правительству поясненія о запутанномъ положеніи и содѣйствовать разсѣять его безпокойство, утвердить его въ миролюбивыхъ идеяхъ. Точнымъ изображеніемъ дѣла, казалось мнѣ, можно было подтвердить все то, о чемъ я писалъ въ продолженіе полутора года.

Задача іюльскаго правительства представляла, въ первые годы, громадныя трудности. Наибольшее затрудненіе зависѣло, быть можетъ, отъ состава его дипломатическаго корпуса. При переимѣнѣ правительства, посланы были (независимо отъ чрезвычайныхъ миссій) ко многимъ европейскимъ дворамъ новые политическіе агенты. Напротивъ того, при многихъ другихъ дворахъ, прежніе дипломатическіе органы, полномочные министры, повѣренныя въ дѣлахъ, остались на своемъ постѣ и были акредитованы новымъ правительствомъ. Слѣдовательно, іюльская монархія имѣла своими представителями, съ одной стороны, людей, которыхъ она, конечно, знала, но которые были совершенно чуждыми или новичками при дворахъ, имъ назначенныхъ; съ другой, она получала донесенія и свѣдѣнія отъ прежнихъ агентовъ, которые изучили мѣстность, откуда писали, но сами лично не были извѣстны министру, съ которымъ переписывались. Такая нерациональная организація дипломатической части, неволью сложившаяся, не могла не подвергать опасности европейскаго міра, порождая въ душѣ Казимира Перье безпрестанно возникавшія сомнѣнія о планахъ то враждебныхъ, то мирныхъ иностранныхъ государствъ. Одинъ изъ подобныхъ моментовъ нерѣшительности этого умнаго министра, относительно вопроса: слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ *тогда же* начинать войну, одинъ изъ подобныхъ моментовъ

колебанія я представлю посредствомъ точной передачи моего разговора, въ іюнѣ 1831 г., съ президентомъ совѣта министровъ, спустя нѣсколько дней по прїѣздѣ моемъ изъ Петербурга.

Іюльское правительство получало тогда отъ своихъ дипломатическихъ агентовъ двойкаго рода донесенія, діаметрально противоположныя. Одни—и это были самые многочисленныя—писали:

„Новая коалиція неминуема; державы не забыли ни пыльничаго трактата, ни 1792 года, ни манифеста герцога Брауншвейгскаго, ни калишскаго договора. Онѣ признали іюльское правительство только въ первый моментъ нечаянности и уже раскаяваются въ томъ. Державы условиваются между собою, приготавливаются; онѣ положили воевать съ нами, лишь только будутъ готовы. Предупредимъ же ихъ, потому что мы можемъ имѣть успѣхъ только тогда, когда начнемъ первые и воспользуемся преимуществами, которыя даютъ намъ наша національная стремительность, наша сплоченная территорія, наша централизація.“

Другіе, въ числѣ ихъ и я, говорили въ своихъ депешахъ:

„Всѣ сомнѣнія, державы встрѣтили нашу революцію съ неудовольствіемъ, даже со страхомъ; онѣ, безспорно, договариваются между собою, отправляютъ другъ въ другу чрезвычайныя миссіи; опытные военные люди, пользующіеся довѣріемъ своихъ государей, посланы, явно или тайно, изъ С.-Петербурга въ Вѣну и Берлинъ, изъ Лондона въ Вѣну или въ С.-Петербургъ. Конечно, державы считаютъ свои силы, но, благодареніе Богу, принимаютъ въ расчетъ и наши. Державы не тронутся. Останемся же въ нашихъ предѣлахъ, успокоимъ у себя дома страсти; будемъ однако говорить твердо при всѣхъ дворахъ и ничего не бояться: никто не тронетъ насъ.“

Министрамъ Людовика-Филиппа оставался выборъ между этими двумя родами донесеній, и понятно, почему они часто колебались; надобно помнить, что большинство посланниковъ при великихъ державахъ настаивали на необходимости перейти Рейнъ и двинуть Армію за Альпы. Казиміръ Перье неоднократно готовъ былъ сдѣлать, въ обширномъ ризамѣрѣ, на западномъ берегу Италіи то, что онъ сдѣлалъ въ Анконѣ, на восточномъ берегу.

Въ самый разгаръ этой нерѣшимости, я прїѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Парижъ.

Президентъ совѣта министровъ принялъ меня съ большою предупредительностію. Едва вошелъ я въ его кабинетъ, какъ онъ посадилъ меня насупротивъ себя; потомъ, взявъ обѣ мои руки и устремивъ на меня свой пронизательный взглядъ, сказалъ мнѣ слѣдующія слова, за точность которыхъ я ручаюсь:

— Мнѣ весьма пріятно видѣть васъ и лично переговорить съ вами во имя самыхъ святыхъ интересовъ нашего отечества. Вы одинъ изъ тѣхъ дипломатическихъ агентовъ, которые постоянно поддерживали насъ на пути миролюбія. Но вы имѣете пребываніе въ той изъ европейскихъ столицъ, гдѣ наша революція произвела наиболѣе сильное неудовольствіе. Вы почти ежедневно видѣлись съ самымъ молодымъ, съ самымъ пылкимъ изъ всѣхъ государей коалиціи, готовой, повидимому, образоваться; вы извѣщали насъ обо всемъ, что говорится и дѣлается на этомъ жгучемъ, по преимуществу, пунктѣ, а между тѣмъ вы не переставали увѣрять въ возможности сохраненія мира. Ваше упорство изумляло насъ. Теперь, заклинаю васъ, во имя драгоцѣннѣйшихъ интересовъ, сосредоточить всѣ ваши воспоминанія, всѣ ваши впечатлѣнія; потому, что, признаюсь, мы ежедневно, *ежечасно* колеблемся, начинать ли намъ войну. Она можетъ быть для насъ успѣшною лишь въ томъ случаѣ, когда мы успѣшимъ. Повторите мнѣ то, о чемъ вы такъ часто писали. Увѣрены ли вы, что не замышляется новая коалиція? увѣрены ли вы, что мы не теряемъ драгоцѣннаго времени? Отвѣчайте, но помните, какая отвѣтственность связана теперь съ вашими словами и тяготѣетъ надъ вашею головою; если вы обманываетесь, если мы обманываемся съ вами, если державы хотятъ усыпить насъ, чтобы напасть на насъ когда будутъ готовы, тогда мы погубимъ Францію, и потомство назоветъ васъ и меня простаками или измѣнниками.

Произнеся эти слова, Казиміръ Перье всталъ, и его благородное, прекрасное лицо одушевилось сильнѣйшимъ волненіемъ.

Вотъ что отвѣчалъ я слово въ слово:

— Господишь президентъ совѣта, я принимаю на свою голову отвѣтственность за каждую написанную мною депешу, за каждое успокоительное мое слово. Съ ранней юности сражался я за Францію и, конечно, не захочу подвергнуть опасности ея бытіе. Я видѣлъ императора Николая спустя нѣсколько часовъ послѣ полученія имъ извѣстія о нашей июльской революціи. Я самъ узналъ о ней только изъ берлинскихъ

денежъ, сообщенныхъ мнѣ государемъ. Я отдалъ отчетъ о моихъ тогдашнихъ разговорахъ съ нимъ. Не могу найти достаточно сильныхъ выраженій, чтобы изобразить вамъ, до какой степени эта вѣсть раздражила его; но, повторяю, императоръ никогда серьезно не помышлялъ нападать на насъ, понявъ съ перваго же момента, что такое дѣло было бы и трудно, и опасно. Итакъ, еще разъ повторяю рѣшительно то, о чемъ писалъ вамъ: сохранимъ миръ, не станемъ выступать изъ нашихъ границъ, и насъ не тронуть.

— Но—возразилъ Казиміръ Перье—императоръ посылалъ фельдмаршала Дибича въ Берлинъ, графа Орлова въ Вѣну не для того ли, чтобы дать обѣщанія въ солидарности, дать совѣты немедленно отырыть военныя дѣйствія?

— Очень возможно, что російскій императоръ давалъ подобныя совѣты, потому что онъ живѣе и дѣятельнѣе всѣхъ своихъ союзниковъ; я полагаю однакожъ, что онъ сталъ думать иначе послѣ польскаго возстанія. Въ первыя минуты, прежде событій въ Варшавѣ, его чрезвычайные посланники могли говорить отъ его имени: „Если вы хотите атаковать Францію, рассчитывайте на меня, я васъ поддержу“; но ему, съ самаго начала, отвѣчали изъ Вѣны и особенно изъ Берлина: „Мы не желаемъ пускаться въ столь опасное предпріятіе. Франція сильна сама по себѣ; волненія въ Польшѣ, въ Германіи и въ Италіи обѣщаютъ ей дѣятельныхъ пособниковъ. Надобно, слѣдовательно, ждать, когда, увлеченная революціонною горячкою, она вновь устремится на Европу. Тогда, и только въ такомъ случаѣ, мы рассчитываемъ на Россію и на солидарность всѣхъ кабинетовъ.“

— Какъ!—воскликнулъ министр—неужели насъ считаютъ до того сумасбродными, что мы нападёмъ на всю Европу, единомысліе которой намъ извѣстно! Значить, думаютъ, что мы потеряли голову?

— Не вы лично, господинъ министръ, подаете такую мысль европейскимъ дворамъ. Предвида революціонное и пропагандистское наступленіе, они предполагаютъ, что въ совѣтъ и въ налетахъ другая система возьметъ верхъ надъ вами и вашею партіей.

— Да какая же партія будетъ столько безразсудна, чтобы выступить безъ надобности противъ всѣхъ державъ?

— То, что вы говорите, то повторяетъ и неблагорасположенная къ намъ сторона. Безразсудно было бы—говорить въ

Петербургъ, въ Берлинъ, въ Вѣнѣ, въ Лондонъ — разжигать вновь революціонный очагъ открытіемъ военныхъ дѣйствій; пусть онъ сгоритъ самъ собою, зачѣмъ трогать его. Такъ разсуждаютъ иностранцы, и будьте увѣрены, что они столько же боятся насъ, сколько мы можемъ бояться ихъ. Ваше восклицаніе: *какъ могутъ считать насъ безрассудными до того, чтобы мы топтали кандады на мизѣ?* эти самыя слова я часто слыхалъ въ С.-Петербургѣ. Черезъ три недѣли, когда я возвращусь туда, императоръ Николай повторитъ ихъ мнѣ въ своемъ кабинетѣ. Мнѣ кажется, что я и отсюда слышу его. Словомъ, настоящая опасность всѣхъ державъ — *взаимное безмокійство*: быть можетъ, та или другая сторона и не устоитъ противъ нея. Ежедневно могутъ рѣшиться на внезапное наступленіе, опасаясь быть атакованными завтра; но если война возгорится, то, конечно, вслѣдствіе непониманія другъ друга.

Я простился съ Казиміромъ Перье, успокоивъ его, утвердивъ въ мысли выжидать событій; но каждый день понятное опасеніе видѣть Францію предупрежденною внушало ему мысль или вступить въ Бельгію, или перенести въ Италію стихіи сильной диверсіи.

Спустя нѣсколько дней послѣ перваго нашего свиданія, этотъ рѣшитель вопроса о мирѣ цѣлаго свѣта вновь поддался душевной тревогѣ при мысли о неминуемости коалиціи. Въ десять часовъ утра я былъ приглашенъ запискою пріѣхать къ президенту совѣта. Казиміръ Перье заболѣлъ отъ всѣхъ тревоженій. Онъ слегъ въ постель и поручилъ написать ко мнѣ графу Монталиве, министру народнаго просвѣщенія. Статья, помѣщенная въ „Journal de St.-Petersbourg“ противъ нашей революціи, показала ему враждебною и вновь возбудила его недовѣрчивость до такой степени, что онъ признавалъ войну единственною мѣрою, которую Франція могла принять безотлагательно.

Въ первой гостиной президента совѣта я встрѣтилъ русскаго посланника, имѣвшаго съ нимъ жаркую сцену.

— Помогите мнѣ успокоить вашего министра, или все потеряно, сказалъ мнѣ Леццо-ди-Борго. — Я имѣю нѣкоторое вліяніе на него, но сегодня ничего не могъ сдѣлать. Я люблю и уважаю его, однако его запальчивость испортитъ все. Пріѣхавъ по приглашенію, я нашелъ его въ постели въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ; съ нимъ была рвота, и онъ, увидѣвъ ме-

на, приподнял голову и закричалъ: „*Господи посланники, вы предательски поступаете съ нами*“. Помогите же мнѣ, а то, Богъ знаетъ, какое приказаніе продитуетъ онъ въ видѣ статьи въ петербургской газетѣ.

Генералъ Поццо-ди-Борго объяснилъ мнѣ въ короткихъ словахъ, что статья, не заключающая въ себѣ ничего похожаго на наступательные планы, возставала только съ силою противъ июльскаго переворота.

Лишь только я вошелъ въ комнату, президентъ совѣта, приподнявшись, воскликнулъ:

— Вотъ, милостивый государь, тѣ намѣренія, которыя вы представляли намъ миролюбивыми...

Казимиръ Перье подалъ мнѣ газету и опустилъ голову на подушку.

Прочитавъ статью, я сказалъ:

— Я остаюсь при своемъ убѣжденіи и не сожалею ни объ одномъ словѣ, сказанномъ мною при послѣднемъ нашемъ разговорѣ.

— Какъ! вы хотите, чтобы мы потерпѣли такой тонъ статьи?

— Нѣтъ, надобно отвѣчать, и отвѣчать эвергически, въ „Мониторъ“; надобно также, чтобы герцогъ Мортемаръ объяснился съ императоромъ; но вѣдь это еще не резонъ измѣнить что-либо въ вашей системѣ мирнаго выжиданія; я не вижу здѣсь никакой угрозы, никакого намека на нападеніе, которое мы должны предупредить; не вижу ни объявленія, ни признака о выступленіи хотя бы одного баталіона. Отвѣчайте завтра же, отвѣчайте, если хотите, жество, грубо — это будетъ неважнымъ эпизодомъ; но держитесь вашихъ мирныхъ плановъ: и Франціи, и Европѣ будетъ лучше отъ того. Да и зачѣмъ придавать преувеличенную важность газетной статьѣ? Она написана горделиво: и мы отвѣтимъ въ такомъ же тонѣ въ „Мониторъ“ и въ другихъ газетахъ. Мы все-таки будемъ имѣть перевѣсъ въ этой чернильной войнѣ: французскаго петербургскаго журнала почти никто не читаетъ, а наши парижскіе журналы читаются всюду.

Мнѣ удалось, наконецъ, успокоить министра.

Поццо-ди-Борго высказалъ, при случаѣ, королю свое сожалѣніе по поводу статьи, раздражившей Казимира Перье. Вскорѣ появился и отвѣтъ на нее въ нашихъ газетахъ; но это преніе слилось со всѣмъ тѣмъ, что говорилось или печаталось ежедневно, въ болѣе или менѣе запальчивомъ тонѣ. Случай не

имѣлъ никакихъ послѣдствій, хотя и могъ бы имѣть весьма важныя.

Представляясь королю, по его желанію, я повторилъ то, что послужило главнымъ поводомъ къ прибытію моему въ Парижъ, а именно: что коалиціи опасаться нечего, и что если не случатся непредвидимыя событія, то, при искусствѣ нашихъ переговоровъ, при нашей твердости, поддержанной матеріальными силами, миръ будетъ сохраненъ. Притомъ, прѣздомъ чрезъ Берлинъ, я видѣлся со всеми моими старыми политическими знакомыми, въ числѣ ихъ и съ первымъ прусскимъ министромъ Бернсторфомъ; вся иностранная дипломатія раздѣляла мое мнѣніе, и я, зная вполне дѣло, могъ говорить такъ предъ его величествомъ.

Король предложилъ мнѣ, не теряя времени, возвратиться въ С.-Петербургъ, такъ какъ герцогъ Мортемаръ получилъ отпускъ. Имѣя впереди нѣсколько времени, я просилъ позволенія ѣхать черезъ Стокгольмъ, а не черезъ Лифляндію и Курляндію. Его величество согласился и взялъ меня съ собою въ Страсбургъ, гдѣ я и получилъ его послѣднія инструкціи.

XI.

Второй разговоръ съ императоромъ Николаемъ въ Елагинскомъ дворцѣ. — Мои ходатайства о полякахъ. — Отвѣтъ императора. — Послѣдствія этого разговора. — Императоръ посылаетъ новыя предложенія польской арміи.

Я прибылъ въ С.-Петербургъ чрезъ Финляндію. Холера свирѣпствовала въ столицѣ. Обычная спутница войнъ нашего времени, она ежедневно усиливала потери, испытываемыя обѣими воевавшими сторонами. Поляки еще сопротивлялись, но уже готовы были пасть вслѣдствіе взятія Варшавы.

Въ Парижѣ я получилъ званіе полномочнаго министра вмѣсто званія повѣреннаго въ дѣлахъ, какъ обыкновенно бываетъ съ первыми секретарями посольства, когда они временно заступаютъ мѣсто отсутствующихъ посланниковъ. Герцогъ Мортемаръ ждалъ только моего прѣзда, чтобы возвратиться въ Парижъ, и хотя я могъ быть акредитованъ лишь по его отбытію, однако императоръ пожелалъ видѣть меня тотчасъ. Графу Нессельроде поручено было сказать нашему посланнику, что я буду принятъ въ частной аудіенціи, въ Елагинскомъ дворцѣ.

Елагинскій дворецъ, гдѣ я имѣлъ первое свиданіе съ императоромъ въ августѣ 1830 года, не отличается ни блескомъ,

ни обширностію роскошныхъ дворцовъ въ Царскомъ Селѣ, въ Петергофѣ и въ Гатчинѣ; но эта небольшая резиденція расположена среди прекраснаго сада, въ которомъ искусство явилось на помощь бѣдной, по здѣшнему климату, природѣ въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ видѣ, что южныя страны не могутъ составить себѣ даже понятія объ этой ненужной имъ помощи. Деревья и цвѣты, наполняющіе елагинскій садъ, родились и выросли въ теплицахъ; самыя рѣдкія экзотическія растенія, вынесенныя на открытый воздухъ въ пору ихъ наибольшаго расцвѣта, красовались въ грядкахъ, въ вазахъ и въ чащѣ тѣнистыхъ аллей. Въ этомъ-то саду и принялъ меня императоръ. Наша бесѣда здѣсь, важный и интересный вопросъ, служившій предметомъ обсуждения, образъ мыслей монарха въ отношеніи поляковъ, мои горячія усилія въ пользу этого любимаго Франціей народа, доводы, которыми государь подкрѣплялъ свое мнѣніе, воззваніе, сдѣланное мною къ благодушію и отеческому чувству верховнаго рѣшителя судебъ польской націи, словомъ весь разговоръ имѣлъ характеръ историческій, и я обязалъ передать его со строгою точностію.

Императоръ, увидѣвъ меня въ гражданскомъ мундирѣ моей новой дипломатической должности, сказалъ, улыбаясь:

— Что это за мундиръ, шитый золотомъ?... [Я не узнаю нашего ратнаго силестрійскаго товарища!... Но все равно: вы желанный гость и въ гражданскомъ платьѣ, какъ были такимъ въ военномъ мундирѣ.... Прошу садиться и поговоримъ.

Государь указалъ мнѣ на садовую скамейку.

— Я желалъ бы васъ поцѣловать — сказалъ императоръ, когда мы сѣли — но холера и строгіе карантинные законы запрещаютъ.... Прежде всего, *mon cher ami*, я долженъ поблагодарить васъ за ваши дѣйствія и слова въ Парижѣ для поддержки моего посланника въ его стараніяхъ сохранить миръ (государь намекалъ на встрѣчу мою съ Поццо-ди-Борго у Казиміра Перье). Лучшаго ничего и не нужно въ настоящемъ положеніи. Теперь скажите мнѣ о результатѣ вашей поѣздки.

— Ваше Величество, безъ сомнѣнія, угадываете — отвѣчалъ я — что преимущественно обращаетъ на себя вниманіе французскаго правительства: великій вопросъ о судьбѣ поляковъ....

Императоръ съ живостію прервалъ меня:

— Ни слова больше объ этотъ предметъ, ни слова: *вслѣдѣ*

у себя съ долъ хозяинъ. Я не потерплю вмѣшательства во внутреннія дѣла моего государства и въ мои распоряженія.

— Конечно, государь, вы полный у себя хозяинъ и никто не оспаривалъ этого; но вы, какъ всѣмъ извѣстно, рабъ своего слова; уваженіе къ трактатамъ, подписаннымъ вмѣстѣ съ другими націями, несколько не нарушаетъ независимости верховной власти. Я имѣю порученіе напомнить, отъ имени Франціи, о томъ, что гарантировано европейскими договорами.

— Не имѣю надобности выслушивать иноземныхъ министровъ, англійскихъ, французскихъ или другихъ, по дѣлу, которое касается меня одного. Вопросы же относительно смысла трактатовъ будутъ обсуждены моими министрами съ вами и съ лордомъ Гейтсбюри, а я не буду говорить объ этомъ предметѣ.

— Простите меня, Ваше Величество, но вся Европа знаетъ твердость вашего слова и ваше уваженіе къ подписи вашего августѣйшаго брата на трактатѣ; позвольте же мнѣ объяснить то, что я имѣю порученіе изложить предъ вами отъ имени моего правительства.

— Охотно выслушаю то, что скажетъ мнѣ мой другъ, но ничего не стану слушать отъ имени французскаго министра.

Эта форма канфиденціального превія, употреблявшаяся иногда императоромъ со мною, не удивила меня, и я отвѣчалъ:

— Мнѣ не слѣдовало бы, говоря строго, соглашаться на такое условіе, какъ оно ни лестно для меня лично; но самое важное здѣсь то, что Ваше Величество соизволяете выслушать меня.

— Да, говорите. Скажите все, что у васъ на сердцѣ; для того-то мы и свидѣлись здѣсь.

— Итакъ, государь, я долженъ вамъ сознаться, что во время моего путешествія, въ государствахъ, чрезъ которыя я проѣзжалъ, одно обстоятельство больше всего поразило меня, въ виду глубокой и искренней преданности, внушаемой мнѣ вашимъ благодушіемъ: это настроеніе всѣхъ народовъ Европы противъ васъ по поводу настоящей борьбы. Я обязанъ объявить вамъ прямо, какъ живо поляки интересуютъ, электризуютъ своею борьбою всѣ націи, преимущественно тѣ три націи, которыя готовятъ матеріалы для исторіи—Англію, Германію и Францію. Если поляки падутъ въ борьбѣ и если побѣдитель не поступитъ съ ними милостиво, то имя его, опасаясь я, сдѣлается непопулярнымъ.

При этихъ словахъ, императоръ нахмурилъ брови, потомъ отвѣчалъ мнѣ не раздражительно, но съ глубокимъ чувствомъ, съ великою грустію:

— Да, я знаю, Европа несправедлива въ отношеніи меня. Обоихъ насъ, моего брата Александра и меня, подвергаютъ отвѣтственности за то, чего мы оба не дѣлали. Не намъ принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши: это событіе уже стоило Европѣ многихъ хлопотъ, пролило много крови и можетъ пролить еще; но не насъ слѣдуетъ упрекать въ томъ. Мы должны были принять дѣла такими, какими ихъ передали намъ.

— Государь! Франція и Англія и просятъ теперь только о восстановленіи положенія въ томъ видѣ, въ какомъ оно было до войны.

Приведу достопамятныя слова, сказанныя по этому случаю императоромъ Николаемъ и записанныя мною въ тотъ же день, безъ малѣйшаго измѣненія: обѣ стороны этого важнаго пренія, взаимные доводы, должны быть извѣстны вполне, взвѣшены добросовѣстно. Государь сказалъ:

— Я имѣю обязанности, какъ императоръ россійскій. Я долженъ остерегаться повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя породили нынѣшнюю кровопролитную войну. Между поляками и мною можетъ существовать лишь полнѣйшая недовѣрчивость. Привому доказательству: покойный братъ мой осыпалъ благодѣяніями царство Польское, а я свято уважалъ все имъ сдѣланное. Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здѣсь превосходные пути сообщенія, вырыли каналы въ главныхъ направленіяхъ. Промышленности не было и въ поминѣ; мы основали суконныя фабрики, усилили разработку желѣзной руды, учредили заводы для ископаемыхъ произведеній, которыми богатъ край, дали обширное развитіе этой важной отрасли народнаго богатства. Я распространилъ и украсилъ Варшаву. Существенныя преимущества, данныя мною польской промышленности для сбыта ея новыхъ продуктовъ, возбудили даже зависть въ моихъ другихъ подданныхъ. Я открылъ подданнымъ царства рынки имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко, до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ Россіи. Русскіе торговые люди говорили по этому поводу, что всѣ новыя льготы дарованы были моимъ младшимъ сыновьямъ въ ущербъ старшимъ... Вы отвѣтите, что это только матеріаль-

ныя благодѣянія, и что въ сердцѣ таится другія чувства, кромѣ стремленій къ выгодамъ. Очень хорошо! Посмотримъ, не сдѣлали мы, мой братъ и я, всего возможнаго, чтобы польстить душевнымъ чувствамъ, воспоминаніямъ объ отечествѣ, о національности и даже либеральному чувству. Императоръ Александръ возстановилъ названіе царства Польскаго, на что не рѣшался даже Наполеонъ. Братъ мой оставилъ за поляками народное обученіе на ихъ національномъ языкѣ, ихъ кокарду, ихъ прежніе королевскіе ордена, Бѣлаго Орла, св. Станислава и даже тотъ военный орденъ, который они носили въ память войны, веденныхъ противъ насъ. Поляки имѣли армію совершенно отдѣльную отъ нашей, одѣтую въ національные цвѣта. Мы надѣлили ихъ оружейными заводами и пушечными литейнями. Мы дали имъ не только то, что удовлетворяетъ всѣмъ интересамъ, но и что льститъ страстямъ законной гордости. Поляки не оцѣнили всѣхъ этихъ благодѣяній....

— Государь — отвѣчалъ я — вотъ эти-то благодѣянія и слѣдуетъ оставить за поляками. Если поляки надуть, они будутъ очень несчастны, а если вы простите ихъ, если вы сохраните преимущества, имъ дарованныя, то благодарность привяжетъ ихъ къ вамъ: надобно обезоружить ихъ силою великодушія.

— Оставить имъ все, что было даровано! возразилъ императоръ, постепенно одушевляясь.—Но въ такомъ случаѣ опытъ не послужилъ бы ни къ чему! Мои-то дары они и обратили противъ своего благодѣтеля. Прекрасная армія, такъ хорошо обученная братомъ моимъ Константиномъ, снабженная вдоволь всѣми необходимыми предметами, вся эта армія взбунтовалась; литейни, оружейные заводы, арсеналы, мною же наполненные, послужили ей для того, чтобы воевать со мною. Мало того: когда я овладѣлъ турецкою крѣпостію Варною, я нашелъ въ ней три орудія съ гербомъ польской республики, которыя, будучи взяты нѣкогда турками у короля Владислава IV, хранились какъ трофѣй. Что же я сдѣлалъ? Я, и въ этомъ случаѣ, хотѣлъ польстить польскому національному чувству и подарилъ всѣ три орудія городу Варшавѣ.... Ну, а теперь эти самыя пушки обращены неблагодарными противъ меня, изъ нихъ стрѣляютъ по моимъ солдатамъ.... Нѣтъ, вы видите, я впрямъ принять предосторожности, чтобы предупредить повтореніе случившагося.

— Дѣлая полякамъ такой подарокъ — замѣтилъ я — Ваше

Величество дали благородное доказательство доброты; но вамъ известны увлеченія и нужды войны: нашлись три лишнія орудія, вотъ и соблазнились употребить ихъ въ дѣло. Простите поляковъ.... Вы навѣрное образумите ихъ скорѣе милосердіемъ, нежели строгостію.

— Да чего же, наконецъ, хотять отъ меня въ пользу мятежниковъ?

— Хотять, чтобы Ваше Величество послѣдовали примѣру Австріи въ отношеніи венгровъ. Венгры, какъ и поляки, соединены съ могущественною имперіей; но они уже нѣсколько вѣковъ пользуются своею національностію, своими законами, своимъ отдѣльнымъ бытіемъ и неоднократно платили монарху вѣрностію и безпредѣльностію за такую снисходительность. Въ минуты опасности, венгры всегда были твердымъ оплотомъ габсбургскаго дома и австрійской имперіи.

Въ эту эпоху я могъ говорить о безпредѣльной преданности венгровъ: я имѣлъ въ виду благородные порывы поданныхъ Маріи-Терезіи и тѣ венгерскіе легіоны, которые научились уважать въ войны имперію; событія 1848 года были тогда еще далеко.

На мой неожиданный аргументъ императоръ отвѣчалъ:

— Примѣръ, съ перваго взгляда, можетъ показаться удачно выбраннымъ; но разсмотримъ, есть ли тутъ сходство. Углубимся, какъ говорятъ, *въ самую суть дѣла*. Что такое ваши венгры? Безспорно, храбрая нація, но совершенно отличная отъ другихъ, малочисленная и въ полномъ составѣ своемъ принадлежащая Австріи. Что такое поляки? Народъ, разбросанный по обширной территоріи, которая принадлежитъ тремъ различнымъ державамъ. Есть ли дѣйствительное сходство между обоими положеніями? Развѣ я вправѣ вернуться къ раздѣлу, такъ давно исполненному тремя державами? Всѣ сторонники поляковъ разглагольствуютъ объ этомъ надосугѣ. Они забываютъ, что я російскій императоръ, что я долженъ принимать во вниманіе не только выгоды, но и страсти моихъ русскихъ подданныхъ и сочувствовать ихъ страстямъ въ томъ, что они имѣютъ въ себѣ справедливаго. Гдѣ же я возьму составныя начала Польши, возстановляемой въ воображеніи? Имѣютъ ли въ виду раздѣлъ 1792 года, или мечтаютъ о возстановленіи всей Польши, какъ она существовала до перваго раздѣла? Но вѣдь ни Австрія, ни Пруссія, ни мои русскіе подданные не

позволили бы мнѣ этого!... Вы видите, что нѣтъ возможности вернуться къ прошедшему.

— Справедливо, государь, нельзя обращаться къ такому давнему времени; но восстановите, хотя отчасти, то, что было до настоящей войны.

— Никогда не позволю себѣ этого! Могу сказать утвердительно, положя руку на сердце: мы осыпали поляковъ всякаго рода благодѣяніями; могу сказать ихъ самымъ восторженнымъ сторонникамъ: найдите мнѣ, въ какое угодно время, подъ прусскимъ ли владычествомъ, въ эпоху ли герцогства варшавскаго, въ пору ли буйнаго избирательнаго правленія, Польшу болѣе богатую, лучше устроенную, съ болѣе превосходною арміею, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностію передъ Польшею въ царствованіе императора Александра и мое.... Поляки не оцѣнили всѣхъ этихъ милостей; довѣріе пало навсегда между ими и мною.

Трудно было оспаривать свѣжіе факты, и потому я обратился къ тѣмъ соображеніямъ, которыя самъ государь выставилъ при началѣ нашего разговора:

— Дѣйствительно — замѣтилъ я — все это можно сказать, ставъ на нынѣшнюю точку зрѣнія; но Ваше Величество сейчасъ становились на историческую основу, и вотъ гдѣ надобно обсуждать польскій вопросъ. Именно съ такой точки смотреть на него надѣи, о которыхъ я упоминалъ и которыя принимаютъ столь живое участіе въ несчастномъ народѣ; многочисленные сочиненія припоминаютъ теперь услуги, оказанныя поляками христіанству и несправедливосгь раздѣла. Вся Европа возблагодарить васъ за облегченіе этого несчастія.

По выраженію лица государя я понялъ, что, на этой почвѣ, не получу того, чего искалъ. Императоръ только-что почувствовалъ одну изъ самыхъ тягостныхъ эпохъ своей жизни, сердце его только-что испытало самыя сильныя волненія: живѣйшее безпокойство при началѣ отчаяннаго сопротивленія, мучительную неизвѣстность о томъ, какъ поступить Франція и что будетъ въ остальной Европѣ. Въ продолженіе откровенной бесѣды, онъ могъ обращаться къ воспоминанію о своихъ неоцѣненныхъ поляками благодѣяніяхъ, но въ сущности и болѣе всего его занимала настоящая дѣятельность, то, что онъ называлъ уроками прошедшаго и предосторожностями въ будущемъ. Вотъ почему, вооружась всякаго рода убѣжденіями,

которыя внушало мнѣ мое сочувствіе къ полякамъ, я отвѣчалъ на повторенныя замѣчанія о милостяхъ, дарованныхъ полякамъ его братомъ и имъ самимъ:

— Такъ, государь, я сознаюсь, что великость благодѣяній, вами исчисленныхъ, не можетъ быть оспорена; но отеческая доброта монарха должна быть неистощима. Вы упоминали о страстяхъ вашихъ русскихъ вѣрноподанныхъ; но позвольте мнѣ сказать, что эти страсти не ваши: цари не имѣютъ права говорить, что раздѣляютъ наши страсти, потому что они представители Бога на землѣ. Нѣтъ, государь, вы не раздѣляете пагубныхъ враждебныхъ страстей. Позвольте мнѣ напомнить, по этому случаю, прекраснѣйшія слова вашего царствованія...

— А! а!... воскликнулъ императоръ, улыбаясь и вдругъ перемѣнивъ тонъ—прекраснѣйшія слова моего царствованія!... Я былъ бы очень радъ узнать ихъ черезъ васъ.

— Помните ли, Ваше Величество — продолжалъ я — тотъ день, когда вы возвѣстили генераламъ и офицерамъ вашей гвардіи о варшавскомъ возмущеніи? Это было въ Михайловскомъ манежѣ; я находился, верхомъ на конѣ, возлѣ васъ; послѣ развода вы приблизились къ генераламъ и офицерамъ, присутствовавшимъ при прохожденіи войскъ; они образовали около васъ кружокъ и услышали изъ вашихъ устъ разсказъ о событіяхъ въ Варшавѣ. Едва вы кончили, какъ всѣ руки храбрыхъ воиновъ простерлись къ вамъ и отвсюду раздались восторженные восклицанія и увѣренія въ преданности: всѣ просили васъ выступить въ походъ немедленно. Въ эту минуту вы, государь, возвысивъ голосъ, сказали:

— *„Друзья мои, принимаю ваши заступренія въ преданности; но когда вы пойдете противъ поляковъ, помните, что вы единокровные братья....“* Вотъ, Ваше Величество, тѣ благородныя, тѣ истинно-отеческія слова, которыми я былъ тронуть глубоко и которыя за счастье считаю повторить сегодня. Достоинно васъ стараться примирить, послѣ жестокихъ битвъ, двѣ отрасли храбраго славянскаго племени.

Нѣсколько минутъ императоръ молчалъ; слова мои тронули его.... Онъ отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ; сдѣлаю послѣднюю попытку; предложу еще разъ мое прощеніе мятежной арміи, и сдѣлаю это для васъ лично, за то, что вы мнѣ сказали, *а не потому, что державы обратились ко мнѣ съ предложеніями*: онѣ не должны

вмѣшиваться въ дѣла между мною и моими подданными; я этого не позволю никогда. Сегодня же пошлю предложеніе мятежникамъ о покорности. Если они положатся на мое милосердіе, я поступлю съ Польшею великодушно; но если они станутъ упорствовать въ своемъ бунтѣ, если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе.

Вотъ подлинныя слова, сказанныя мнѣ, въ заключеніе, императоромъ Николаемъ. Дѣйствительно, въ тотъ же день отправлены были предложенія о покорности; но польская армія еще считала себя достаточно сильною сопротивляться; борьба продолжилась и кончилась вскорѣ паденіемъ Варшавы. Затѣмъ совокупныя ходатайства посланниковъ англійскаго и французскаго уже ничего не могли получить изъ того, что существовало до войны. Не знаю, какое помилованіе ожидало поляковъ, если бы они, за нѣсколько недѣль до своего рѣшительнаго разгрома, согласились положить оружіе; но позволительно думать, что если императоръ произнесъ слово „милосердіе“, то онъ поступилъ бы съ меньшею строгостію относительно тѣхъ, которые возстали противъ его власти. Во всякомъ случаѣ, я вправѣ допустить, что коль скоро государь соблаговолилъ выслушать меня въ минуту сильнѣйшаго раздраженія, то и новыя доказательства мои были бы приняты, когда, согласно данному мнѣ обѣщанію, оставалось бы только опредѣлить мѣру льготъ, подлежащихъ возстановленію, и залоговъ примиренія.

Итакъ, да будетъ мнѣ позволено пожалѣть отъ всего сердца, что принятіе новаго предложенія не избавило городъ Варшаву отъ кроваваго дня!

Призванный, въ такомъ случаѣ, еще разъ защищать дѣло нашихъ вѣрныхъ друзей, я исполнилъ бы это съ прежнимъ усердіемъ, съ прежнимъ сочувствіемъ и съ надеждою на счастливый результатъ.

XII.

Благодарственное молебствіе по случаю взятія Варшавы.—Я отказываюсь присутствовать при немъ.—Прощальная аудіенція.—Отъездъ изъ С.-Петербурга.

Изъ предъидущаго можно было видѣть, въ какой степени императоръ Николай умѣлъ обсуждать вопросы, близко его касавшіеся. Государь этотъ обладалъ въ высшей степени даромъ слова. Его рѣчь, краткая, сжатая, была чужда излишнихъ прикрасъ, но всегда отличалась ясностію, часто счастли-

выми и отборными выраженіями. Его пріятный органъ, благородный, нѣсколько горделивый тонъ, нерѣдко соединявшійся съ дружественною любезностію, очаровывали и увлекали почти всегда, даже тогда, когда не убѣждали. Питалъ ли монархъ благорасположеніе или пріязнь къ тому, съ кѣмъ разговаривалъ, или просто желалъ обратить кого-нибудь къ своему мнѣнію, доводы его, сильные и искусно соображенные, были часто неодолимы. Иностранные дипломаты, имѣвшіе съ нимъ бесѣду, не всегда выходили изъ его кабинета окончательно убѣжденными: въ такомъ случаѣ они плохо знали бы свое ремесло и часто не выполняли бы своей обязанности; но всѣ безъ исключенія признавались, послѣ подобныхъ аудіенцій, что императоръ Николай умѣлъ самъ заявлять доводы своей политики такъ же хорошо, какъ могли бы то сдѣлать за него опытнѣйшіе его посланники.

Братъ его Александръ, о которомъ онъ всегда говорилъ съ уваженіемъ и искреннею любовію, отличался другаго рода краснорѣчіемъ. Многіе, весьма большіе разговоры, приводимые посланниками, трактовавшими о дѣлахъ непосредственно съ нимъ, суть истинные образцы прекраснаго языка и искусства дипломатическаго пренія. Въ такихъ аудіенціяхъ императоръ Александръ, можетъ быть приготовлявшійся къ нимъ, отчетливо и прямо излагалъ то мнѣніе, которому хотѣлъ дать вѣсъ. Его противнику или политическому другу часто оставалось только слушать; всякое возраженіе, хотя бы и совершенно неожиданное, встрѣчало со стороны императора Александра отпоръ, какъ будто заранѣе обдуманый. Одинъ изъ опытнѣйшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, посланниковъ, которыхъ когда-либо употребляла Франція при переговорахъ, графъ ла-Феронэ, передалъ многія изъ двухъ и трехчасовыхъ бесѣдъ, въ продолженіе которыхъ государь говорилъ почти одинъ. При самомъ началѣ, посланникъ садился, по приглашенію, насупротивъ императора, послѣ чего Александръ тотчасъ же приступалъ къ дѣлу. Не разъ случалось, что графъ ла-Феронэ, записавъ на память всю слышанную имъ рѣчь, показывалъ ее государю до отсылки въ Парижъ. Императоръ съ удовольствіемъ прочитывалъ то, что говорилъ наканунѣ, и очень былъ доволенъ необыкновенною памятью нашего посла; позволявшею ему передавать длинныя политическія разсужденія во всей ихъ ясной чистотѣ. Неоднократно императоръ Александръ отиѣ-

чалъ своею рукою на депешѣ французскаго дипломата, въ доказательство, что мысль Его Величества передана точно.

Перехожу къ важному обстоятельству, много меня огорчившему. Взятіе Варшавы, окончательное пораженіе поляковъ произвело въ С.-Петербургѣ естественно сильное впечатлѣніе. Получивъ это извѣстіе, я подумалъ, что предстоящее по этому случаю торжество причинитъ мнѣ не мало хлопотъ. Надлежало предполагать, что молебствіе будетъ отправлено при сборѣ войскъ петербургскаго гарнизона, что всѣ члены дипломатическаго корпуса получаютъ приглашеніе и что тѣ изъ нихъ, которые имѣли военный мундиръ, будутъ на конѣ въ свитѣ императора. Нѣтъ надобности говорить, что мысль присутствовать при этомъ торжествѣ ни на минуту не приходила мнѣ въ голову. Считаю также бесполезнымъ пояснять, что мои личные чувства согласовались съ тѣми, которыя Франція такъ громко заявляла предъ своими прежними союзниками. Я рѣшился отклонить приглашеніе, если оно будетъ сдѣлано; но, исполняя священный (!) долгъ, мнѣ надлежало стараться наименѣе огорчить, въ самыхъ сокровенныхъ чувствахъ, государя, къ которому я питалъ столько признательности. Для меня это былъ законъ деликатности. Мнѣ предстояло примирить, если возможно, двѣ крайности. Я обратился къ одному изъ самыхъ вліятельныхъ людей, приближенныхъ къ императору Николаю, и сказалъ ему:

— Слухъ носится о предстоящемъ благодарственномъ молебствіи на Марсовомъ полѣ; вѣроятно, я получу офиціальное приглашеніе, но вы поймете, почему я не могу появиться на этомъ торжествѣ. Не можете ли вы доложить Его Величеству, что лучшимъ средствомъ избѣгнуть непріятнаго случая было бы не посылать ко мнѣ приглашенія.

На просьбу мою я получилъ такой отвѣтъ:

— Вы не хотите присутствовать при благодарственномъ молебствіи? Если вы дѣйствительно преданы императору, то какъ можете вы не радоваться вмѣстѣ съ нимъ тому, что онъ усмирилъ мятежныхъ подданныхъ?

— Безъ сомнѣнія—возразилъ я—я преданъ вашему государю и желалъ бы имѣть случай доказать ему мою преданность на дѣлѣ; но то, о чемъ мы говоримъ, было бы противно моему долгу, моимъ чувствамъ и, если смѣю сказать, здравому смыслу. Мы бесѣдуемъ здѣсь съ вами по-пріятельски;

отложимъ же въ сторону фразы официальнаго преувеличенія. Конечно, въ вашихъ глазахъ поляки просто побѣжденные мятежники, но въ глазахъ цѣлой Франціи они прежде всего старинные союзники, предметъ единодушнѣйшей симпатіи (*).

— Императоръ не приметъ этого въ уваженіе. Послушайтесь меня, не обращайтесь вниманія на вопли вашихъ газетъ.

— Но наши газеты, взятая въ общности, суть выраженіе національнаго чувства, и по этому вопросу онѣ всѣ согласны между собою. Если бы я не призналъ такого факта, то под-

---

(*) Авторъ, какъ замѣтили читатели, пользовался въ своихъ воспоминаніяхъ всякимъ случаемъ, чтобы заявить о сочувствіи Франціи и своемъ собственномъ къ полякамъ. Предъ неподкупнымъ судомъ исторіи и въ виду неотразимыхъ историческихъ данныхъ, это сочувствіе оказывается забавною мистификаціей. Превознесеніе мнимыхъ республиканскихъ добродѣтелей и либеральныхъ стремленій поляковъ, соболъзнованіе о несправедливыхъ будто бы страданіяхъ Польши, всѣ такіе возгласы послышались только со временъ первой бананартовской имперіи, т. е. въ то время, когда Наполеону были нужны польскіе солдаты. Эта мистификація пустила въ нынѣшнемъ французскомъ обществѣ такіе глубокие корни, что французы считаютъ какъ бы дѣломъ своей національной чести поддерживать мысль о возстановленіи Польши. Утвердившееся во Франціи мнѣніе, будто „поляки — сѣверные французы“, обличаетъ полнѣйшее невѣдѣніе исторіи. Если бы французы могли отрѣшиться отъ предрасудковъ, названныхъ имъ ложью и ослабленными страстями, то сами удивились бы разительной противоположности между своими принципами, стремленіями и національнымъ духомъ и тѣми же качествами поляковъ. Франціи—представительница національнаго единства, патриотизма, гражданскаго равенства и религіозной терпимости, и Польша— воплощеніе неурядицы, эгонизма шляхетскаго сословія и ультрамонтанскаго фанатизма! Какое сравненіе можетъ быть обиднѣе! Наполеонъ I, хорошо знавшій исторію Польши и характеръ польскаго общества, лстлялъ полякамъ изъ своихъ выгодъ, но никогда не помышлялъ серьезно о возстановленіи польскаго королевства. Это извѣстно всѣмъ, даже французскимъ полководцамъ. 20-го октября 1809 года, Шампаньи, министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи, заявилъ нашему государственному канцлеру, графу Румянцову, въ официальной нотѣ: „императоръ не только не хочетъ допустить идеи, столь далекой отъ его мысли, о возрожденіи Польши, но готовъ, вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, содѣйствовать всему, чтобы навѣки изгладить это изъ памяти съ прежнихъ жителей. Его величество одобряетъ, чтобы названія: „Польша“ и „поляки“ исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ сношеній, но изъ исторіи“. О томъ же писалъ самъ Наполеонъ къ императору Александру 28-го февраля 1811 года, а пятою секретною статьею договора, заключеннаго 14-го марта 1812 года между Франціей и Австріей, онъ гарантировалъ Австріи обладаніе Галиціей за выставленный ею тридцатитысячный контингентъ противъ Россіи. И все это было условлено въ то самое время, когда 80,000 поляковъ собрались подъ наполеоновскія знамена, надѣясь, цѣною своей крови, заслужить возстановленіе своего отечества ... Послѣ такихъ дѣяній не мистификація ли разглагольствія французскихъ писателей о сочувствіи къ „угнетеннымъ старымъ союзникамъ“? По этому вопросу читатели могутъ найти много любопытнаго въ сочиненіи г. Моллера: „Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865“, напечатаномъ въ прошломъ году въ Парижѣ. *Ред.*

вергъ бы себя заслуженному порицанію. Предвидите ли вы, что скажетъ Франція, если, въ моемъ лицѣ, ея цвѣта появятся на предстоящемъ торжествѣ? Я не вправѣ поступить такъ, и сердце мое возмущается при этой мысли.

Послѣдній доводъ убѣдилъ, повидимому, того, съ кѣмъ я говорилъ.

— Попытаюсь — отвѣчалъ онъ — узнать мнѣніе Его Величества по этому предмету; но уладить подобное дѣло кажется мнѣ очень труднымъ.

По такому отвѣту я могъ судить, чего мнѣ слѣдовало ожидать отъ посредничества, о которомъ я просилъ. Ни одинъ любимый министръ не захочетъ подвергать лично себя неувольствію своего монарха, чтобы избавить иностраннаго дипломатическаго агента отъ затруднительнаго положенія и устранить опасность въ обоюдныхъ сношеніяхъ двухъ государствъ.

Императоръ, кажется, не былъ приготовленъ къ моему отсутствію на Марсовомъ полѣ. Я узналъ въ тотъ же день, что оно опечалило его. Мнѣ самому было очень прискорбно, что я не могъ согласовать два столь противоположныя требованія.

Пребываніе мое въ С.-Петербургѣ продолжалось еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наканунѣ моего отъѣзда, государь принималъ меня въ отпускной аудіенціи въ томъ же Елагинскомъ дворцѣ, гдѣ я имѣлъ два разговора, такъ живо напомнившіе мнѣ довѣріе и дружбу Его Величества. Я не могъ позволить себѣ, при послѣднемъ свиданіи, коснуться столь щеголиваго предмета ни объясненіемъ, ни самымъ косвеннымъ намекомъ; но императоръ, котораго мнѣ уже не было суждено видѣть въ этомъ мірѣ, могъ прочесть въ моемъ взглядѣ искренность моего сожалѣнія и неизмѣнной къ нему преданности.

Въ минуту прощанія, Его Величество обнялъ меня.

Надѣюсь, онъ убѣдился наконецъ, что я не могъ дѣйствовать иначе.

Въ 1836 году, шесть лѣтъ спустя, императоръ Николай пріѣзжалъ въ Мюнхенъ, гдѣ я исполнялъ обязанности министра Франціи. Къ крайнему прискорбію моему, я находился тогда въ Парижѣ; однако Его Величество поручилъ мнѣ сказать, что ему было жаль не повидать еще разъ стараго пріятеля.